

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Богданов В.В., Макаренко С.Н.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: wbogdanov@gmail.com

Проведено исследование аксиологических оснований правового образования. Показано, что неудовлетворительное состояние современного правового образования и правовой нигилизм коренятся в отсутствии последовательной ценностно ориентированной стратегии и тактики, реальной политики ценностей как в правотворчестве, так и в правоприменении. Следствием чего и является недостаточная эффективность образовательных технологий в правовом образовании, правовой социализации, устойчивость констант правового сознания. Аргументирована несостоятельность позиции исследователей, которые пытаются свести причины неэффективности правового образования к внешнему влиянию, ассимиляции общественным сознанием внешних для отечественной культуры ценностей. Обосновано на материале социологических исследований, что даже когда правотворчество ссылается на национальные, исторически и социокультурно обусловленные ценности, лежащие в основе правовой системы, оно подвергает их многократной повторной интерпретации в соответствии с политической и экономической целесообразностью. В результате этого возникают коллизии правовых и социальных ценностей, которые весьма существенно отражаются на процессе правовой социализации и социального признания. Доказано, что образовательные технологии правовой социализации не могут заменить сложившийся в общественном сознании образ искусственным симулякр. Постоянный процесс реформирования общества, который в принципе является естественным, если он качественно изменяет основные социальные институты, неминуемо приводит к дисбалансу и конфликту между консервативными и реформаторскими тенденциями.

Ключевые слова: правовое образование, правовое сознание, аксиология, справедливость.

AXIOLOGICAL BASIS OF LEGAL EDUCATION

Bogdanov V.V., Makarenko S.N.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: wbogdanov@gmail.com

The study axiological bases of legal education. It is shown that the poor state of the modern legal education and legal nihilism is rooted in the absence of a consistent value-oriented strategy and tactics of realpolitik values as in law-making as well as in law enforcement. The consequence of which is the lack of effectiveness of educational technology in legal education, legal socialization, stability constants of legal consciousness. It argued the failure of the position of researchers who are trying to reduce the reasons for the ineffectiveness of legal education to external influences, the assimilation of the public consciousness for the external value of the national culture. Grounded on a material of sociological studies, even when the law-making refers to the national, historical and socio-culturally conditioned values underlying the legal system, it exposes them to multiple re-interpretation in accordance with the political and economic expediency. This results in a conflict of legal and social values, which are very much reflected in the legal process of socialization and social recognition. It is proved that legal socialization educational technology can not replace the established in the public mind the image of artificial simulacrum. Continuous process of reforming society, which in principle is a natural, if it qualitatively changes the basic social institutions inevitably leads to imbalance and conflict between conservative and reformist tendencies.

Keywords: legal education, legal consciousness, axiology, justice.

В исследованиях отечественных обществоведов общим местом является констатация в общественном сознании тенденций правового нигилизма. При сохранении устойчивого исследовательского интереса к проблемам развития правового сознания, правового образования, правовой культуры негативные тенденции в правовой практике остаются тревожным симптомом, свидетельствующим о том, что правотворческий процесс не в полной мере согласуется с практикой правоприменения. Коренятся причины этого

диссонанса в образовательных технологиях правовой социализации или исходят из особенностей современного нормотворчества; являются ли эти тенденции объективными, вытекающими из специфики постиндустриального, информационного общества и тенденций глобализации или вызваны преимущественно субъективными факторами, неудачно выбранной тактикой и стратегией, политическими приоритетами, перманентной модернизацией образовательного процесса, спецификой подготовки педагогических кадров, является предметом исследования данной статьи. Несмотря на длительную традицию исследования причин правового нигилизма (Гурвич Г.Д., Мертон Р., Риггер А., Мехди С., Бачинин В.А., Венгеров А.Б., Горохов П.А., Кудрявцев В.Н., Малахов В.П., Нерсесянц В.С. и др.), убедительной конвенции по этому вопросу еще не установлено ни в отечественной, ни в зарубежной исследовательской среде.

Педагогическое влияние на процесс становления правового сознания осуществляется на основе уже пред-данного базиса – нравственных ценностей и ориентиров. Таким образом, задача выявления эффективности образовательных технологий в правовом образовании может даже не коснуться непосредственно правовых знаний, если обнаружится, что отсутствует устойчивый ценностный фундамент и проблемным оказывается уже освоение набора базовых нравственных императивов. Анализ кандидатских диссертаций по педагогическим наукам позволяет выделить весьма тревожный набор тезисов молодых ученых-педагогов об уровне освоения нравственных ценностей в школе, который повторяется от работы к работе: «В начале третьего тысячелетия Российское государство характеризуется глубоким кризисом в духовной сфере, стремительным процессом социальной, материальной и нравственной поляризации общества. Человек сегодня переживает кризис из-за отсутствия духовных ориентиров в жизни и из-за утраты традиционных духовных ценностей... Для молодежной среды характерны «двойная мораль», нравственная глухота и «дегуманизация» поведения. Широкий размах приобрела ориентация молодежи на атрибуты массовой, в основном западной культуры за счет снижения истинных духовных, культурных, национальных ценностей, характерных для российского менталитета» [4, с.4]. Поскольку такие оценки результата педагогической деятельности в школе редко у кого из исследователей вызывают критику, постольку вполне достоверным было бы предположение о том, что из-за ассимиляции общественным сознанием внешних для отечественной культуры ценностей правовое образование в школе обречено на скромный результат уже до стадии его активного внедрения. Однако такие выводы при всем их правдоподобии представляются не только упрощенными, но и маловероятными уже в силу того, что ссылаются на перенос на российскую почву ценностей западной культуры. Но при этом в западной культуре и его правовом образовании, даже при

наличии очевидной социальной поляризации, вовсе не возникает эффект массового правового нигилизма, а уровень правовой культуры достаточно устойчив.

Другим возможным источником развития нигилистических тенденций в отношении правового содержания могло выступать существенное изменение формы или содержания процесса правовой социализации. Расширение в сравнение с советским периодом сфер и отраслей, регулируемых правом, развитие субъективно-правовых, частно-правовых, договорных отношений предположительно должны были способствовать осознанию значимости правового образования. Ориентированная на успешную карьеру, приобретение полезных навыков, умений, компетенций современная отечественная образовательная парадигма также не противоречила обоснованности расширения правовой мотивации молодежи. Существенно не изменилось ни понимание, ни содержательное наполнение понятия права. Как в советский, так и в постсоветский период право в России рассматривалось в его легистской и позитивистской интерпретации. Однако нигилизм в отношении права в пореформенной России приобрел несравнимые с советским периодом масштабы. С учётом рассмотренных факторов поиск оснований, ведущих к развитию негативных тенденций в усвоении правовой культуры, в образовательном пространстве и в образовательных технологиях не выглядит убедительным, что позволяет обратить внимание на содержание и обстоятельства правотворчества.

С формальной стороны процесс нормотворчества осуществляется институтом законодательной власти Российской Федерации в соответствии с распространённой и апробированной в развитых странах технологией. Однако позитивное право, как признаётся абсолютным большинством современных правоведов, вовсе не является исключительно искусственной, субъективной конструкцией. Законы внешним для общества образом не спускаются сверху для ознакомления, усвоения и исполнения. В.С. Нерсисянц, характеризуя достоинства исторической традиции права, отмечает следующее: «Подобно тому, как язык не устанавливается договором, не вводится по чьему-либо указанию и не дан от бога, так и право создается не только (и не столько) благодаря законодательствованию, сколько путем самостоятельного развития, через стихийное образование соответствующих норм общения, добровольно принимаемых народом в силу их адекватности обстоятельствам его жизни. Акты законодательной власти дополняют позитивное право, но «сделать» его целиком они не могут. Позитивное право производно от права обычного, а это последнее произрастает из недр «национального духа», глубин «народного сознания» и т.п... С точки зрения Г. Пухты, бесцельно искусственно конструировать и в любое время предлагать людям ту или иную придуманную правовую систему. Созданная отдельно от самой истории жизни народного духа, не напоенная им, она не может привиться обществу» [5, с.413-414]. Новоевропейская

правовая мысль в той или иной форме сконцентрирована на укорененности позитивного права в ценностных константах национальной культуры. Однако континуум ценностей, иерархия ценностей, лежащих в основе правовой системы, независимо от того, меняется ли особенная интерпретация общезначимых ценностей или речь идет о национальных, социокультурно обусловленных ценностях, сам по себе проходит многократную повторную интерпретацию в институтах правотворчества. Посредническая функция законодателя даже без учёта субъективных предпочтений содержит в себе предпосылку для коллизии правовых и социальных ценностей. Когда же к этому добавляется политическая целесообразность, частные групповые интересы, попытки опережающего правового обеспечения предполагаемых социальных изменений, позитивные нормы права способны вступить в существенный конфликт и даже конфронтацию с национальными обычаями, традициями, ценностями. Как следствие, отсутствие социального признания, непопулярность, неэффективность, нигилизм по отношению к правовому регулятиву.

В пользу этого утверждения говорят и социологические опросы. Генеральный директор института общественного мнения «Квалитас» Н.А. Романович по результатам проводимых в 2014 году социологических исследований отмечает, что «Как показывают опросы, свыше 76 % жителей страны считают, что не следует ожидать эффективности от принятия тех законов, которые общество не готово исполнять... Почти каждый второй опрошенный в России не верит в беспристрастность закона, а значит, не может его уважать должным образом. Повышение уровня образования способствует укоренению в таком отношении к закону» [6, с.171].

Принимаемые законы всегда оцениваются обществом с точки зрения справедливости, о чём свидетельствует практика обращения высших судебных инстанций (решения Конституционного Суда, Верховного Суда РФ) к понятию справедливости. «Современное правотворчество отражает состояние общественного развития и все же далеко от идеалов справедливости, о чем свидетельствует статистика законотворческого процесса, полученная методом «электронной юриметрии» [3, с.21] и подтверждающая невысокий уровень качества работы с законопроектами... значительное количество правотворческого брака, неравномерность отражения интересов различных субъектов законодательной инициативы... В период с 1994 г. по июнь 2014 г. Конституционный Суд Российской Федерации обращался к принципу справедливости примерно в каждом десятом из принимаемых им решений (1842 из 17974), Верховный Суд Российской Федерации – примерно в каждом пятом решении (14599 из 79920). Каждое 3 решение Европейского Суда по правам человека, вынесенное за 2013 г. в отношении Российской Федерации, касается обеспечения справедливости (40 из 129)» [8, с.4]. Только за семь лет (2000–2007) опротестованы и признаны незаконными почти

15 000 правовых актов органов государственной власти и более 160 000 норм органов местного самоуправления [2, с.12]. К 2013 году количество признанных незаконными нормативных актов государственной власти только за один 2013 год достигло 61000! [7] При этом ответственность за принятие такого незаконного решения в виде частного определения судом перестала быть обязательной. И тенденция роста продолжается. А ведь в статистику попали только выявленные вопиющие случаи. Ущерб от таких нормативных актов значителен для экономики, но для становления правового сознания он катастрофичен. Если прибавить к этому неисполнение законов самими представителями правоохранительной системы, исполнительной вертикали власти, то оснований уповать на эффективность образовательных технологий практически не остаётся.

Когда законы не соответствуют сложившимся традициям и практике, то обычно говорят об опережающем характере нормотворчества. Однако, как показано в статье В.В. Богданова, социальное прогнозирование в силу своей специфики не может претендовать на достоверную опережающую формулировку тех правил общения, которые еще только должны будут сложиться, и носит исключительно предупредительный характер: «Прогностика в социально-философской проекции направлена не на разработку как таковую эффективных прогнозов и методик, как это имеет место в естествознании, а на обоснование возможности собственных притязаний ориентироваться на принятые основания, прояснение смыслов, взаимообусловленность интерпретаций и предупреждение. Доминирующей формой социально-философского прогнозирования является преуказывающий нормативно-ценностный прогноз-предупреждение» [1, с.15]. Вероятностный же характер такого предупреждения не позволяет говорить о возможности его регулятивного закрепления.

Образовательные технологии правовой социализации не могут заменить сложившийся в общественном сознании образ симулякром. Общество не имеет других специфических духовных определений, кроме тех, которые обнаруживаются в наличном праве народа, или иначе говоря, право – это та форма, в которой социум в качестве содержания находит и определяет себя. Право существует не тогда, когда оно кем-либо провозглашается, а тогда, когда оно отстаивает свою реальность против любого нарушения. Если не учитывать эту мотивацию и находить в праве лишь определенный способ социальной организации, то в содержании правового сознания сохраняется лишь естественная пассивная потребность в безопасности, которая может быть реализована вообще без общеобязательного формализованного права и государства. Это значит, что никакой методологический прорыв в познании социальной реальности, никакая «добрая воля» законодателя и правоприменителя не способна привести к снятию противоречий сознания до тех пор, пока в самом общественном сознании социальные отношения не будут восприниматься как

необходимый и имманентный момент самоопределения воли, пока индивидуальная стратегия самоутверждения, реализации внутренней свободы не будет осознана в непосредственной зависимости от свободы других правовых лиц.

Наконец, правовое сознание складывалось в Европе в непосредственной связи с развитием института частной собственности. Поэтому между уровнем материального благосостояния граждан и востребованностью правовых императивов представляется существование непосредственной прямо пропорциональной зависимости. Интерес к фактическому закреплению свободы в праве абстрактен для того, кто не имеет собственности, не включен в систему прозрачной и выгодной самоорганизации, а «политику» воспринимает как природную силу. Не востребованной в реальности оказывается свобода, её правовое закрепление и для тех, кто занят выживанием. Делая ставку на личный карьерный успех с целью обеспечения необходимого материального благополучия, человек ради стабильного материального дохода готов жертвовать большинством универсальных правовых притязаний, стараясь собственное благополучие изолировать от социальных проблем. И та и другая стороны заинтересованы не в праве и свободе как всеобщих принципах общественного сознания, а в законе, минимально обеспечивающем их безопасное существование. И в том и в другом случае инстинкт выживания доминирует над принципом свободы, а потому и правовое сознание ориентировано на особенное законодательство, которое исполняется лишь по мере контроля за его исполнением. Закон как категория всегда выражает необходимое имманентное отношение, поэтому он не может не выполняться. Сознание же социальным законом называет отношение, полагаемое как внешнее, которое может быть, или не быть. Таким образом, на этой ступени, когда предметность ещё не осознаётся как необходимое и внутреннее самого сознания, перенос столь значимого в природе понятия закона является в значительной степени внешним и произвольным, в то время как речь может идти только о природном отношении силы и её проявлениях. Схватывая противоречие свободной природы сознания и неадекватного зависимого состояния человека в обществе, само сознание рассматривает общественные отношения в простейших категориях природы, тем самым не разрешая, а постоянно возобновляя это противоречие, независимо от того, пытается ли оно постоянно бороться с противостоящей силой или уходит в царство мысленных спекуляций, утопий, в которых это абстрактное тождество достигается в воображении.

Право укоренено в правовом сознании эпохи, его возведенных в привычку стереотипах, ценностях и социальных ожиданиях, поэтому с необходимостью опредмечивает в своих продуктах стадии противоречия правового сознания эпохи. Сознание в первую очередь находит в праве то содержание, которое адекватно его собственной природе. И если право

нацелено преимущественно на активную, но меньшую часть населения, то недостающие сознанию доминанты ищут и находят в другом, уже не правовом содержании. Природа сознания предполагает его постоянную активность, инициативу и изменчивость. Правовые же ценности – принципиально консервативны. В правовом сознании форма уже всегда априори противоречит содержанию. Однако это противоречие не является для правового сознания чем-то уникальным и непреодолимым. Противоречие между динамичной формой общественного сознания и постоянным стремлением к закреплению содержания, возведением его в привычку в культуре является всеобщим движущим мотивом для любого сознания. В нормальном эволюционном социально-историческом изменении преобладает консервативная мотивация с постепенным введением новых элементов. Сложнее, когда общественная динамика набрала стремительное ускорение, а общественное сознание ещё не выработало ни привычки, ни механизма адаптации предшествующих норм и ценностей к новым социальным отношениям. Реформа не противостоит консерватизму в том случае, если обрела в общественном сознании рациональный смысл – увязанность с системой предшествующих взаимообусловленных, прозрачных и понятных норм. Иное дело, если ускоряющаяся социальная динамика приводит к ускорению эволюции правового сознания. Даже при внешне постепенном характере нововведений и сокращении временного интервала количественная насыщенность общественного сознания новыми вводными рано или поздно способна привести к дисбалансу между консервативными и реформаторскими тенденциями, потере предсказуемости, стабильности, а затем качественному скачку в содержании ценностей, норм и стратегий правового сознания. Стабилизирующую роль в случае революционных социальных изменений играют преимущественно общие принципы права как такового. Именно они остаются последним бастионом при смене ценностей в общественном сознании. Таким образом, основания современного состояния правового сознания коренятся не в успешности или недостаточности образовательных технологий, возможности которых для правовой социализации, наоборот, возросли, а в правовом творчестве и практике правоприменения, которые подменяют традиционные ценности правового сознания политической и экономической целесообразностью.

Список литературы

1. Богданов В.В. Теоретические основания опережающего анализа социальных противоречий как информационное противодействие угрозам терроризма // Информационное противодействие угрозам терроризма. – Таганрог: Южный федеральный университет, 2013. – № 21. – С. 6–16.

2. Зуев О.М. Незаконные нормативно-правовые акты в Российской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. – Москва, 2007. – 28 с.
3. Исаков В.Б. Федеральное законодательство: объем, структура, тенденции развития // Журнал российского права. – 1999. – № 10.
4. Лепехина Р.Х. Духовно-нравственное воспитание учащихся в условиях социальных перемен в обществе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Москва, 2003. – 28 с.
5. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. Учебное пособие. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
6. Романович Н.А. Справедливость и закон в зеркале общественного мнения // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2016. – Вып. № 2 (10). – С.168-174.
7. Синдеева И.Ю., Воробьева И.О., Черникова Е.В. Ответственность за издание правовых актов, признанных судом незаконными //Отрасли права. Аналитический портал/
[/http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9265](http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9265). (дата обращения: 18.11.2016).
8. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. – Москва, 2015. – 28 с.